

Коди КЕПЛИНГЕР

Коди КЕПЛИНГЕР

**ПРОСТУШКА:
ЛГУ НЕ МОГУ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое)
К35

Kody Keplinger
The L.O.L. Lying It Loud

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
New Leaf Literary & Media, Inc и Andrew Nurnberg

Кеплингер, Коди.

К35 Простушка. Лгу не могу / К. Кеплингер; пер.
с англ. И. Литвиновой. — Москва: Издательство
АСТ, 2017. — 320 с. — (Виноваты звезды)

ISBN 978-5-17-101288-5

Сонни Ардмор — суперлгунья. Она лжет всем, обо всем и по любому поводу. Но у нее есть одна настоящая подруга — Эми Раш. Эми и Сонни делятся всем — секретами, одеждой, и даже враг у них общий. Это Райдер, который недавно переехал в их городок из Вашингтона. Он смотрит на окружающих свысока и всех в классе раздражает своим снобизмом. А еще Райдеру очень нравится Эми...

Подруги решают разыграть его и проучить. Сонни, как опытная обманщица, берет дело в свои руки. И попадает в свою собственную ловушку. Неужели Райдер ей нравится? И она нравится Райдеру?! Но ведь он думает, что она — Эми!..

Как не потерять первую любовь, как сохранить дружбу, как обрести себя? То, что было задумано как шутка, стало началом серьезной истории...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое)

ISBN 978-5-17-101288-5

Copyright © Kody Keplinger, 2015
© И. Литвинова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2017

*Посвящаю Эми Л.
Моей лучшей подруге по переписке.
Моей Вредной Овце.
Ты всегда веришь в меня.
Даже когда я в себя не верю.
Спасибо тебе.*

1

Я, Сонни Элизабет Ардмор, настоящим признаю себя отъявленной лгуньей.

Это не то, к чему я всегда стремилась. Это скорее талант, который не зароешь в землю. Начиналось все вполне безобидно: фальшивыми слезами и всякими уловками я заставляла учителей поверить, что мое домашнее задание съела собака. Потом я взялась сочинять небылицы о своей семье — и мой отец стал бизнесменом мирового уровня, а не тунеядцем и вором, которого упекли за решетку, когда мне было семь лет. Так постепенно ложь стала для меня смыслом и образом жизни.

Но, как бы я ни поднаторела в обмане, в последнее время ничего хорошего он мне не принес. Поэтому прошу внести в протокол: на этот раз я говорю правду и только правду. Целиком и полностью. Даже если это меня убьет.

Чаще всего я обманываю в «плохие дни», и та пятница, когда мой мобильник — допотопный «кирпич» с предоплаченным тарифом и полифони-

ческим рингтоном — решил выйти из строя после шести долгих лет службы, был самым что ни на есть *плохим днем*.

Ночью мобильник почил мирной и тихой смертью, и я осталась без привычного будильника в пять утра. Я проснулась, когда телефон Эми (разумеется, новейший супердорогой смартфон) завыл как сирена пожарной машины.

Я подскочила с подушек, сердце билось как отбойный молоток, а рядом со мной, на своей половине постели, спокойно посапывала моя лучшая подруга.

— Эми. — Я ткнула ее в плечо. — Эми, выключи эту хрень.

Она застонала и откатилась к краю кровати. Сирена все надрывалась, пока Эми шарила рукой по тумбочке в поисках телефона. Наконец вой прекратился.

— Ради всего святого, почему тебе нужно просыпаться под эти кошмарные звуки? — спросила я, когда она вытянула над головой длинные тонкие руки.

— Это единственный звук, который может меня разбудить.

— Кажется, он с этим едва справляется...

Только теперь до меня дошло, для чего предназначается этот жуткий вой в телефоне Эми. Я должна была проснуться, собраться и выскользнуть из дома до того, как в шесть утра встанут ее родители. Но мой мобильник сдох, часы показывали 6.15, и я, прямо скажем, облажалась по полной программе.

— Почему бы тебе просто не сказать моим предкам, что ты заснула здесь вечером? — спросила Эми, пока я металась по комнате, вытаскивая спор-

тивную сумку с мятой одеждой, которую прятала у нее под кроватью. — Они не станут ругаться.

— Да, вот только они обязательно позвонят моей мамочке и доложат, где я ночевала, — сказала я, просовывая голову в ворот зеленой футболки и спутывая еще больше и без того всклокоченные волосы. — И это вызовет новый шквал вопросов. Поэтому — нет.

— И все-таки я не понимаю, почему ты не можешь сказать им, что она выгнала тебя из дома. — Эми встала с постели и принялась расчесывать свои темные кудри. Вопреки всем законам физики они выглядели идеально даже тогда, когда Эми едва встала с постели. Эми принадлежала к тем редким людям, которые великолепно выглядят даже спроне. Она могла бы служить рекламой «сна красоты». Я бы ненавидела ее за одно это, если бы не любила так сильно.

— Все это слишком сложно, понимаешь?

Я выхватила у нее расческу и взялась за свои колтуны. Пожалуй, единственное, что у нас с Эми было общего — это безумно вьющиеся волосы. Все мечтают о таких кудрях, но их совершенно невозможно укротить. И если длинные темно-каштановые локоны Эми сохраняли безупречную форму, мои — светлые, до плеч — медленно разрушали мою психику. Чтобы расчесать их утром, требовалась *вечность*, но сегодня вечности у меня не было.

— Я надеюсь, что вы с мамой скоро помиритесь, — сказала Эми. — Я, конечно, рада, что ты живешь у меня, но все это начинает немного напрягать.

— А то я не знаю. — В самом деле, не ей же сидеть из окна второго этажа.

Из холла доносились звуки: мистер Раш ходил по дому, собираясь на работу. А мне, с нечищеными зубами, без капли дезодоранта, пора было уносить ноги.

Я бросилась к окну и распахнула его.

— Если я разобьюсь, произнеси на моих похоронах душераздирающую речь! Но только обязательно смешную, договорились?

— Сонни! — Эми схватила меня за руку и оттащила от окна. — Ни в коем случае. Ты этого не сделаешь.

— Почему нет?

— Во-первых, потому что это опасно, — сказала она. И, решив, что довод слабоват, чтобы удержать меня, добавила: — К тому же ты будешь пролетать мимо кухонного окна. Если мама сядет завтракать и увидит, как ты падаешь с неба...

— Ты права. Черт. Что же делать?

— Просто подожди, пока все уйдут, — предложила Эми. — Потом выскользнешь из дома и запрешь дверь запасным ключом. Он под...

— ...цветочным горшком у порога. Да. Я знаю.

И, хотя ее план казался куда более рациональным, он рушил все мои надежды на то, чтобы успеть вовремя. Родители Эми уходили из дома не раньше половины восьмого, так что у меня останется всего пятнадцать минут, чтобы добраться до школы. Как только за Рашами захлопнулась дверь, я поспешила в ванную, чтобы завершить свои утренние гигиенические процедуры, а потом рванула вниз и выскочила из дома.

Я заперла дверь и перебежала через задний двор на Милтон-стрит, к парковке у супермаркета «Грейсонз», где оставила на ночь свою машину.

— Привет, Герт, — сказала я, похлопав по капоту старенького серебристого «универсала». Тачка была с норовом, зато моя. Я забралась на водительское сиденье. — Надеюсь, ты хорошо спала, малышка, но я тороплюсь, поэтому умоляю, не капризничай сегодня.

Я повернула ключ в замке зажигания. Мотор ожил, но не завелся. Я застонала.

— Не сегодня, Герт. Сжался надо мной!

Я предприняла вторую попытку, и двигатель наконец заурчал, словно Герт услышала мои мольбы. Мы тронулись с места.

К тому времени как я въехала на стоянку для старшеклассников, звонок уже прозвенел, и это означало, что главный вход уже закрыт. Пришлось потревожить миссис Гаррисон, вечно недовольную дежурную, которая меня и впустила.

— Соня, — приветствовала она меня, когда я вошла в вестибюль школы.

Я поморщилась. Видит бог, как я ненавидела — ненавидела — свое полное имя.

— Опаздываешь, — заметила она, будто я сама не знала.

— Опаздываю. Извините, просто...

Шоу начинается.

У меня задрожали губы, и, словно по команде, глаза наполнились слезами. Я уставилась в пол и прерывисто вздохнула.

— Мой хомячок Ланселот умер сегодня утром. Я проснулась, а он... неподвижно лежит... у своего колеса... — Я закрыла лицо руками и всхлипнула. — Простите. Вы, наверное, думаете, что это глупо, но я так его любила!..

— О, моя дорогая...

— Понимаю, это не может считаться уважительной причиной, но я... мне так жаль Ланселота!..

Я забеспокоилась: не *переигрываю* ли я? Но миссис Гаррисон сунула мне в руку салфетку и сочувственно потрепала по плечу.

— Поплачь, — сказала она. — Я знаю, это тяжело. Когда в прошлом году я потеряла Вискерса... Я напишу тебе записку на первый урок. Объясню, что у тебя дома случилась беда. Не волнуйся. Уверена, тебе простят опоздание.

— Спасибо. — Я шмыгнула носом.

Когда я дошла до класса, где проходил спецкурс по европейской истории, слезы уже высохли, а мистер Бакли уже прочитал половину лекции. К сожалению, он всегда все замечал, так что шанса незаметно пробраться на свое место у меня не было.

— Мисс Ардмор, — раздался его голос. — Решили все-таки присоединиться к нам?

— Извините за опоздание, — сказала я. — У меня объяснительная записка.

Я вручила ему записку. Он быстро прочитал ее и кивнул.

— Хорошо, садитесь. Надеюсь, вы возьмете у кого-нибудь конспекты первой части лекции.

— И это все? — спросил Райдер Кросс, когда я уселась позади него. — Пришла на полчаса позже и никаких последствий?

— У нее записка от администрации, мистер Кросс, — ответил мистер Бакли. — О каких последствиях вы говорите?

— Ну, не знаю, — растерялся Райдер. — Но она прервала урок, и это уже не в первый раз. В школе,

где я раньше учился, в Вашингтоне Ди Си¹, учителя были гораздо строже, и записки редко служили оправданием. А учащиеся гораздо серьезнее относились к учебе. А здесь, кажется, любой повод считается уважительной причиной.

Я закатила глаза так, что даже больно стало.

— Ну так и возвращайся в свою школу, — предложила я. — И не переживай за нас, простых смертных из Гамильтона. Как-нибудь без тебя обойдемся. Уверяю, никто по тебе скучать не будет.

Класс одобрительно загудел. Даже мистер Бакли едва заметно кивнул.

Райдер повернулся ко мне лицом. Самое печальное, что, не будь в нем столько гонора, он мог бы стать популярным парнем. Жгучий брюнет с гладкой смуглой кожей и ослепительно яркими зелеными глазами, он носил аккуратную короткую стрижку, но всегда одевался так, будто идет на концерт никому не известной группы. Слегка небрежно, но очень продуманно. Его одежда выглядела идеально, так, словно ее специально подогнали по худощавой и мускулистой фигуре. Как-то раз я даже видела его в очках в толстой пластиковой оправе, которые, я знала, ему совершенно не нужны.

Другими словами, он был красавчиком, но бесил своими хипстерскими замашками.

Райдер появился у нас в начале семестра и с тех пор только и делал, что критиковал старшую школу Гамильтона и всех, кто в ней учился. В вашингтонской школе обеды были вкуснее, по коридорам

¹ Вашингтон — столица США, административно составляет округ Колумбия (District of Columbia), поэтому американцы, чтобы не путать его со штатом Вашингтон, расположенным на западном побережье, в разговорной речи обычно называют город «Ди Си» (Вашингтон Ди Си).

передвигались быстрее, учителя преподавали лучше, футбольная команда выигрывала чаще... и так без конца.

Скажу прямо: я не болела душой за нашу школу, но даже меня бесило такое к ней отношение. И мое возмущение достигло точки кипения, когда он начал размещать в *Facebook* язвительные посты об ущербе нашего городка. Можно подумать, что отсутствие у нас пятизвездочного ресторана с высокой кухней причиняло ему физические страдания.

Все дело в том, что Райдер пришел из мира денег. Политических денег. Его отец был конгрессменом от штата Мэриленд — о чем он не забывал напоминать при любой возможности, — и, по его не очень-то скромному мнению, Гамильтон и все, кто обитал в этой дыре, были полным отстоем.

Все, кроме Эми. Потому что Райдер явно запал на нее, хотя и без всякой взаимности. Впрочем, я не могла винить его за это. Еще бы, ведь Эми — ослепительная красавица и богачка, ему под стать. Однако она была из тех, кто подписывает рождественские открытки каждому повару в школьной столовой, а Райдер только вызывал отвращение своим снобизмом.

Он все еще сверлил меня взглядом, и я вдруг устыдилась, что на мне джинсы, из которых не вылезала вот уже целую неделю, и дырка на рукаве футболки. Я выпрямила спину и с вызовом посмотрела на него, не страшась сравнения с девчонками из школы округа Колумбия, но, прежде чем он успел что-то сказать, мистер Бакли многозначительно кашлянул.

— Внимание, класс. Хорошего понемножку. История длинная, а у нас всего год на изучение

материала. Поэтому вернемся к Великой схизме¹. Понимаю, для нашего уха это звучит странно, но, тем не менее, мы должны освоить эту тему.

Райдер отвернулся, и я сосредоточилась на конспектировании лекции. Все складывалось неплохо вплоть до третьего урока, когда до меня дошло, что я забыла у Эми учебник по химии. Пришлось соврать миссис Тейлор, известную своей строгостью и карающую учеников за куда меньшие провинности, что я занимаюсь репетиторством в детской больнице Оук Хилла и случайно оставила учебник у одной из своих подопечных.

— Я обязательно заберу его завтра, — заверила ее я. — Мне нужно будет повидаться с ней, прежде чем у нее начнется следующий курс химиотерапии. Обещаю, что в следующий раз приду с учебником.

И она купилась на эту туфту. Повелась, как дитя.

Я знала, что уже давно стала неисправимой врушкой. Но мне нравилось думать, что мой талант обманывать — настоящий дар. И если я его получила, то разве не для того, чтобы пользоваться им? Особенно в такие дни, как этот, когда все идет наперекосяк.

В моем кошельке недоставало наличности, чтобы расплатиться за обед, поэтому, вместо того чтобы признаться, что дома все плохо и я на мели, пришлось сказать сердобольной кассирше, что последний доллар я отдала бездомному, который обитает на углу в нескольких кварталах от школы.

¹ Великая схизма (1054) — церковный раскол, после которого окончательно произошло разделение церкви на римско-католическую на Западе с центром в Риме и православную — на Востоке с центром в Константинополе.

Сработало.

Но на этом злоключения не закончились: порвался ремешок на моем задрипанном двухдолларовом шлепанце, на уроке физкультуры мне залепили в лицо волейбольным мячом, и, до кучи, начались месячные.

Эми назвала бы все это кармой. Вселенским наказанием за бесконечную ложь. Но если честно, ложь как раз выручала. Когда все рушилось, она помогала мне восстановить контроль над всем происходящим.

Я была уверена, что дневной лимит неприятностей исчерпан, что было, конечно, роковой ошибкой. Когда позволяешь себе думать, что дальше уже ехать некуда, дела неизбежно пойдут еще хуже.

— Ну, до вечера? — спросила Эми, когда мы вышли из школы и направились к парковке.

— Ага. Только я не смогу прислать смску, так что тебе придется меня караулить. Я вернусь как обычно.

— Хорошо. — Она обняла меня. — Приятного рабочего дня.

Я помахала ей рукой, а она поспешила к своему «Лексусу». Я попыталась убедить себя в том, что совершенно не завидую ни ей, ни ее богатым родителям, ни ее навороченной тачке. В конце концов, у меня была Герт. Это ли не счастье?

Может, я и преуспевала в обмане, но на эту ложь и сама бы не повелась.

Я села в машину и швырнула сумку на пассажирское сиденье.

— Ладно, Герт, — сказала я, вставляя ключ в замок зажигания. — Пора на работу.

Пусть я и была надежным сотрудником (по большей части), а вот Герт почему-то решила, что она

сегодня не в настроении. Двигатель натужно ревел, но больше ничего не происходило. Аккумулятор сдох, а моя смена в кинотеатре начиналась через двадцать минут.

Я схватила мобильник, чтобы позвонить Эми и попросить меня подвезти, и в тот же момент вспомнила, что мой древний телефон испустил дух. Я выскочила из машины, надеясь перехватить ее на выезде с парковки, но было слишком поздно. «Лексус» Эми уже маячил далеко впереди.

Деваться некуда. Тупик. Я понимала, что надо найти кого-нибудь, кто сможет прикурить мою машину, — но кто знает, сколько времени это займет?

И в эту самую минуту — согласно теории Эми о вселенской каре — небеса разверзлись и хлынул дождь. Мне ничего не оставалось, кроме как грязно выругаться.